

Часть 4

**СЧАСТЛИВОЕ
ВРЕМЯ ОТКРЫТИЙ**

Самое счастливое для любой науки время – период «первичного накопления капитала», когда ничего еще не известно, все впереди, почти каждая идея – новая потому просто, что других еще не существует.

В астрономии таких периодов было несколько за всю ее многовековую историю. Первый – в те древние времена, когда человек впервые увидел в россыпи звезд изображение известного ему животного. Были придуманы названия созвездиям, а среди звезд обнаружены такие, что не мерцают и движутся, – планеты.

После того, когда все небо было описано и занесено на карты, открытия в астрономии прекратились на многие годы. Второй период настал в 1609 году, когда Галилео Галилей направил в небо подзорную трубу и неожиданно обнаружил кратеры на Луне, фазы Венеры, кольцо Сатурна, четыре спутника Юпитера и доказал, что Млечный Путь – не туманное пятно, а гигантское скопление звезд. Оказалось, что мироздание устроено значительно сложнее, чем предполагалось раньше, и даже Солнце может оказаться не в центре Вселенной, а на дальней ее окраине.

И опять прошли века, прежде чем настал в астрономии третий, а почти сразу следом за ним – четвертый и пятый «золотые века». Число астрономических открытий, сделанных в XX веке, превосходит все, что сумели разглядеть на небе великие астрономы прошлого. Причина понятна – новые типы небесных тел удавалось обнаружить, когда глаз чело-

века становился более зорким (изобретение телескопа) или расширялось окно, сквозь которое исследователь вглядывался во Вселенную. В XX веке возникли сначала радиоастрономия, а затем ультрафиолетовая, инфракрасная, рентгеновская, гамма... Много веков астрономы смотрели на мир сквозь узкое спектральное окошко видимого света и наблюдали только то, что могли различить собственными глазами, даже если вооружали глаза линзами или зеркалами телескопов.

Когда в конце XIX века в астрономии стали применять спектроскопию и фотографию, оказалось возможно увидеть, как выглядят звезды и туманности в инфракрасном, невидимом глазу, свете, и понять, из каких химических элементов состоят небесные тела.

В 20-х годах XX века в небо направили радиоантенны, и оказалось, что в радиодиапазоне Вселенная представляется совсем иначе, чем в видимом. А ведь, кроме радио- и инфракрасных лучей, из глубины космоса могло приходиться к нам излучение и в других, более жестких диапазонах. Однако до пятидесятих годов прошлого века наблюдения небесных тел в ультрафиолетовом и более жестких областях спектра оставались невозможны. Дело в том, что атмосфера Земли поглощает ультрафиолетовое излучение, не говоря уж о рентгеновском и гамма. Первые наблюдения неба в ультрафиолетовых и рентгеновских лучах удалось провести лишь тогда, когда в ионосферу поднялись исследовательские ракеты, а на орбиты вокруг Земли вышли первые спутники с ультрафиолетовыми и рентгеновскими телескопами.

И вновь, в очередной раз, «открылась бездна, звезд полна» – совсем иные звезды, иные объекты, и потребовались новые идеи, чтобы понять и объяснить увиденное.

Практически все великие астрономические открытия XX века связаны с качественным изменением наблюдательной базы. Разбегание галактик удалось обнаружить, когда в строй

вошли огромные телескопы – на горах Вильсон и Паломар. Пульсары были открыты, когда радиоастрономы получили в свое распоряжение точную аппаратуру для измерения слабых короткопериодических сигналов. Рентгеновские источники обнаружили, когда в космос запустили спутники серии «Vela», на борту которых находилось оборудование для контроля за соблюдением Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере.

Вторая половина шестидесятых годов XX века была для астрофизиков временем открытий. В 1961 году открыли квазары, в 1967 – пульсары, в 1964 – странные источники, светившие в рентгеновском диапазоне и почему-то невидимые в видимых лучах. В те годы чуть ли не каждая статья имела принципиальное значение – авторы предлагали новые объяснения только что обнаруженным явлениям. А объяснив (как им казалось), предсказывали новые явления, еще не обнаруженные.

Чтобы предложить что-то свое, неожиданное и правильное, не обязательно было углубляться в математические дебри, совсем наоборот: недоставало простых физических идей, которые объясняли бы только что сделанное открытие. Это было время, когда интуиция ценилась в астрофизике больше, чем знание теории и умение точно провести расчет.

А какие баталии разыгрывались на семинарах и конференциях! Кибернетику еще не признавали, об идеях Лысенко еще не совсем забыли, генетика продолжала ходить в «продажных девках империализма», а астрофизики спорили о том, как произошли звезды – из межзвездного ли газа, или наоборот, из невидимой сверхплотной материи? Сжатие ли газа привело к образованию звезды или, напротив, мощнейший взрыв?

И ведь, казалось, в космосе можно было найти подтверждение обеим гипотезам. Были обнаружены, например, пары галактик, и на снимках ясно было видно, что одна галактика

проникла в другую, спирали смешались, и что же это такое на самом деле: то ли две галактики столкнулись и пролетают друг сквозь друга, то ли, наоборот, мы видим галактики, разлетающиеся из единого центра?

«Классические» астрофизики придерживались мнения о том, что звезды, конечно же, образуются, когда сжимается под действием собственного тяготения межзвездный газ. Газовый шар, сжавшись, нагревается, в недрах начинаются ядерные реакции синтеза гелия из водорода, и звезда светит, излучая в пространство вырабатываемую при образовании гелия энергию. Миллионы или даже миллиарды лет спустя «горючее» иссякает, и звезда остывает.

Что потом? Сжатие. Возникает белый карлик. А может, даже таинственная нейтронная звезда, о которой писали теоретики еще в тридцатых годах, но до конца шестидесятых никто так и не смог обнаружить... Так полагали многие астрофизики, в числе которых были Я.Б. Зельдович, И.С. Шкловский, В.Л. Гинзбург.

Но была еще «бюраканская» школа, возглавляемая В.А. Амбарцумяном. «Бюраканцы» утверждали: нейтронные звезды – не конечная стадия эволюции обычных звезд, а совсем наоборот – начальная. Из сверхплотного вещества (Д-тела) в процессе взрыва Сверхновой образуется обычная звезда, а потом, в конце жизненного пути вещество ее рассеивается в пространстве – так возникают облака межзвездного газа.

Понятно, что примирить две эти точки зрения было невозможно: либо нейтронная звезда является конечным продуктом звездной жизнедеятельности, либо начальным. Третьего тут быть не могло.

За школами Я.Б. Зельдовича и И.С. Шкловского стояла вся мировая астрофизика. За школой В.А. Амбарцумяна – только авторитет ее руководителя. Но авторитет Виктора Амазасповича в советской науке был чрезвычайно велик, а наблюде-

ния, проводившиеся на Бюраканской обсерватории, были точны, надежны и неоспоримы.

Такие противоречия и движут науку – в научных теориях, как и в классическом дарвинизме, выживают наиболее приспособленные, то есть такие, которые правильно описывают наблюдаемую картину и предсказывают новые, еще не обнаруженные явления.

* * *

Именно в это время я и окончил физический факультет Азербайджанского Государственного университета. 1967 год. Пульсары только что открыли, но еще не появилась первая статья в Nature, и никто не знал, что нейтронные звезды, предсказанные тридцать лет назад, на самом деле существуют в природе.

Тем не менее, именно возможностям обнаружения нейтронных звезд была посвящена моя дипломная работа. В одной из глав как раз и говорилось о том, что излучение нейтронной звезды должно быть не постоянным, как это обычно принималось в теоретических исследованиях, а переменным, причем период переменности должен быть равен периоду вращения звезды вокруг оси.

С чистой совестью я мог бы считать, что предсказал пульсары в своей дипломной работе, если бы не два обстоятельства.

Во-первых, хотя защита состоялась весной 1967 года (до того, как в Nature была опубликована заметка об открытии первого пульсара), статья, в которой излагались основные идеи дипломной работы, была опубликована в «Докладах АН Азерб.ССР» в начале 1968 года, когда о странном пульсирующем радиоисточнике писали уже во всех научных журналах, а идея о том, что излучение приходит от вращающейся нейтронной звезды, была принята научным сообществом.

Во-вторых, в нашей (с моим научным руководителем О.Х. Гусейновым) работе речь хотя и шла именно о вращающихся нейтронных звездах, но писали мы о том, что излучать звезда должна в рентгеновском, а вовсе не радиодиапазоне. Понятия «рентгеновский пульсар» в то время еще не существовало, но писали мы именно об этом явлении, открытом три года спустя во время наблюдений с борта американского спутника UHURU.

Рентгеновские пульсары – те же нейтронные звезды, но на совсем другой эволюционной стадии – мы с О.Х.Гусейновым действительно предсказали.

Весной 1972 года я закончил работу над кандидатской диссертацией, и возник вопрос: где защищать? В Шемахинской астрофизической обсерватории, где я работал, Ученый Совет не имел полномочий принимать к защите диссертации по релятивистской астрофизике (так называется область астрофизической науки, изучающая компактные небесные тела, природа которых определяется законами общей теории относительности). Всего в двух городах Советского Союза можно было защитить диссертацию на тему «Некоторые возможности наблюдения нейтронных звезд». Разумеется, в Москве – или в Государственном Астрономическом институте им. П.К. Штернберга (отдел чл.-корр. АН СССР И.С. Шкловского), или в Институте Космических Исследований (отдел академика Я.Б. Зельдовича). А еще – Ереван, где в Госуниверситете работала сильная группа теоретиков, возглавляемая академиком Г.А. Саакяном.

По многим вопросам мой шеф обращался к Я.Б. Зельдовичу, у которого проходил аспирантуру. Естественно, спросил и на этот раз: где защищать? «В ИКИ длинная очередь, – сказал Яков Борисович, – можно и два года ждать. В ГАИШе... Г-м... (Смысл этого «гм» заключался в том, что школы Зельдовича и Шкловского были не в лучших отношениях друг с другом – такова уж судьба многих научных школ.)

Давайте в Ереване. К тому же, это и к Баку гораздо ближе, легче будет в командировки ездить. А оппонирующим учреждением возьмем ФИАН».

Так и сделали.

Работу отправили в Ереванский государственный университет, где ее прочитали и, естественно, пригласили автора приехать и выступить на семинаре. Кафедрой теоретической физики, где предстояла защита, заведовал в то время академик АН Арм.ССР Гурген Серобович Саакян – личность в своем роде легендарная,

С Я.Б. Зельдовичем
на пляже в Бузовнах, 1974 год.

именно в соавторстве с ним академик В.А.Амбарцумян написал практически все свои исследования природы сверхплотных звезд, создавшие в сороковых-пятидесятых годах славу армянской школе релятивистской астрофизики. Тандем Амбарцумян-Саакян ввел в рассмотрение понятие о гипертонных звездах, не обнаруженных, кстати, по сей день, но, тем не менее, теоретически описанных и, в принципе, возможных в природе.

В апреле 1972 года я впервые в жизни приехал в Ереван в командировку. Это сейчас из Баку в Ереван в командировки не ездят. Научные связи между двумя закавказскими республиками прервались в конце восьмидесятых годов внезапно и надолго (надеюсь, не навсегда). Тридцать лет назад дружба народов была понятием вовсе не абстрактным – расскажи кто-нибудь на заседании кафедры в ЕрГУ или на Ученом совете ШАО о том, что всего через 18 лет ученые Армении и Азербайджана будут считать друг друга не научными, а военными

противниками, для которых не жалко пули – такому провидцу плюнули бы в лицо и назвали бездарным шутником...

Единственное, о чем меня предупредили перед отъездом знакомые, уже бывавшие в Ереване: нужно выучить хотя бы несколько базовых слов по-армянски, поскольку русский язык ереванцы хотя и знают, но обычно делают вид, что не понимают. Самым «базовым» армянским словом, которое мне, собственно, и учить было не нужно, являлась фамилия В.А.Амбарцумяна.

– Сойдешь с поезда, – говорили мне, – и скажешь первому встречному: нужно, мол, к Амбарцумяну. Тебе покажут.

Вообще говоря, мне нужно было не к Виктору Амазасповичу, который был в то время Президентом АН Арм.ССР и директором Бюраканской обсерватории, а к Гургену Серобовичу, но пароль «Саакян», похоже, был гораздо менее действенным.

Выйдя в Ереване на привокзальную площадь, я сначала действительно растерялся – не было ни одной надписи на русском языке, и отличить магазин готовой одежды от справочного бюро я мог только по вторичным внешним признакам, но никак не по надписи над дверью. Я подошел к старику, торговавшему в киоске у вокзала газетами, и сначала – для проверки – спросил по-русски, не скажет ли уважаемый, как проехать к университету. Продавец посмотрел на меня непонимающим взглядом и удрученно покачал головой – интернациональное слово «университет», похоже, ничего ему не говорило.

Тогда я произнес пароль: «Амбарцумян».

– О! – воскликнул старик и просиял. – Амбарцумян! Ты приехал к Виктору Амазасповичу!

От восторга он, видимо, не понял, что странным образом заговорил по-русски.

Через минуту я ехал в трамвае в нужном направлении и точно знал, на какой остановке выходить, за какой угол после

этого повернуть и в какое здание войти. Разумеется, послан я был не в университет, а в Президиум Академии Наук, где и должен был, по мысли старичка, денно и ночью находиться величайший ученый всех времен и народов. Это уже не имело значения – я очень надеялся, что в Академии любой вахтер сумеет показать дорогу к храму науки.

Так и оказалось, но до кабинета Г.С. Саакяна я добрался уже под вечер, не имея, кстати, представления о том, где проведу ночь. К счастью, физики – в том числе теоретики – народ увлекающийся и не спешащий домой с работы. В тот день проходило заседание кафедры – практически все, включая Г.С. Саакяна оказались на месте, знакомство состоялось (разумеется, никто не делал вид, что не понимает по-русски), на следующий день был назначен семинар с моим выступлением, а затем Гурген Серобович спросил:

– В гостиницу вы уже устроились?

– Нет, – признался я.

– Позвоню Григору Арамовичу, – сказал Саакян. – Во-первых, я бы хотел, чтобы он был вашим основным оппонентом, а во-вторых, у него в институте есть гостиница, точнее – целый этаж для командированных.

Академик АН Арм.ССР Григор Арамович Гурзадян был известен среди астрофизиков не меньше Амбарцумяна и Саакяна. Он был в то время директором Института Космических Исследований АН Арм.ССР, где проектировали аппаратуру для искусственных спутников. Григор Арамович много лет занимался физикой планетарных туманностей и сделал в этой области, пожалуй, больше, чем любой другой ученый – не только в СССР, но и на всей планете. Книгу Г.А. Гурзадяна «Планетарные туманности» я, разумеется, читал, отдавал должное уникальности изложенного в ней наблюдательного материала, но считал ошибочной физическую интерпретацию.

Естественно, Г.А. Гурзадян не мог не быть сторонником идей своего шефа, и потому в книге утверждалось – вопреки

мнению большинства, – что планетарная туманность является не поздней стадией эволюции обычной звезды, а напротив, самой начальной. Во всем мире считали, что, когда звезда, масса которой не превышает 1,4 солнечной, заканчивает жизненный путь, она довольно быстро сжимается до размеров Земли, при этом температура повышается до сотен тысяч градусов, а внешняя оболочка (примерно 0,1 массы Солнца) сбрасывается и рассеивается в межзвездном пространстве. Взрыва при этом не происходит, и потому скорости расширения планетарных туманностей невелики – несколько десятков км/сек. Планетарные туманности очень красиво выглядят на цветных астрофотографиях – яркие кольца с точкой-звездой в центре.

Согласно представлениям школы Амбарцумяна, все происходило с точностью до наоборот: некие сверхплотные Д-тела (гиперонные звезды, к примеру, о которых писали Амбарцумян с Саакяном) взрываются, и, если они массивны, то при этом рождаются массивные звезды и происходит вспышка Сверхновой, а если масса Д-тела невелика (меньше тех самых 1,4 масс Солнца), то Д-тело переходит в состояние обычной звезды через стадию планетарной туманности.

В тот вечер мне было решительно все равно, в каком направлении идет эволюция звезды. Если бы для поселения в гостиницу нужно было отречься от своих научных представлений в пользу амбарцумяновских, я бы непременно это сделал (правда, оставил бы за собой право, выселяясь из гостиницы, воскликнуть: «А все-таки она вертится!»).

Но научного отречения от меня не потребовали. «Пусть приезжает», – сказал по телефону Г.А. Гурздян, и я отправился за город, где располагалось новое пятиэтажное здание ИКИ. Рабочий день давно кончился, меня встретил преудураченный начальником вахтер, который и провел меня на пятый этаж.

В тот свой приезд с Григором Арамовичем мне встретиться не довелось – утром он улетел в Москву. Наверняка это было к лучшему – как показали дальнейшие события.

На следующий день на заседании кафедры доклад мой был благосклонно выслушан, диссертацию приняли к защите, а оппонентами назначили Г.А. Гурзаяна и В.А. Папомяна, одного из сотрудников кафедры. В Баку я уехал в тот же вечер и принялся ждать, когда же будет назначен день защиты.

В начале лета пришло короткое письмо от Г.С. Саакяна: все, мол, в порядке, Витя (В.А.Папомян – П.А.) свой отзыв уже пишет, защита состоится, скорее всего, в ноябре, раньше просто не успеть. Правда, Гурзаян свой отзыв еще не написал, но он человек занятой, чаще в разъездах, чем дома...

От Физического института им. П.Н. Лебедева отзыв написал доктор наук Леонид Моисеевич Озерной, один из самых в то время известных специалистов по релятивистской астрофизике не только в Союзе, но и во всем мире. К слову, известность сослужила ему не очень хорошую службу. В конце семидесятых, когда началась вторая волна еврейской эмиграции, в США переехали на постоянное жительство родственники Леонида Моисеевича – в том числе родители. Вряд ли сам Л.М. Озерной решился бы на эмиграцию, но все же уехал, надеясь, понятно, что при его известности у него не будет проблем с трудоустройством. Несколько лет о нем не было никаких сведений – не то чтобы не было вообще, наверняка московские друзья и коллеги знали о судьбе Леонида Моисеевича гораздо больше, чем мы, сидевшие на горе в Закавказье. Однако, в конце концов и до нашей лаборатории дошли сведения о том, что в престижные американские научные учреждения Л.М. Озерной не попал (причину этого я не знаю до сих пор – квалификация у него, безусловно, была высочайшей), работал лаборантом в школьном кабинете физики, потом пошел на повышение... Но в астрономической

литературе фамилия Л.М. Озерного мне больше не попадалась ни разу.

Отзыв, подписанный Л.М. Озерным, был очень хорошим, а следом поступил и отзыв В.А. Папояна. К сентябрю мы с моим научным руководителем О.Х. Гусейновым отрепетировали мое выступление, выпустили автореферат, в общем, все шло, казалось бы, как по маслу, и тут пришло, наконец, долгожданное письмо от Г.А. Гурзадяна: не отзыв, однако, а приглашение приехать в Ереван для обсуждения...

Григор Арамович принял меня в своем кабинете – чай, разговор о погоде, об общих знакомых-астрофизиках, я постепенно успокоился и решил, что академик просто хотел взглянуть на своего будущего подзащитного. Наконец, через полчаса неспешной беседы я вдруг услышал:

– А вот что делать с вашей диссертацией, я решительно не знаю. В ней все неправильно!

– Что значит – все? – не понял я.

– Все! – отрезал Г.А. Гурзадян. – Начнем с Введения. Что вы пишете? «Нейтронные звезды – конечная стадия звездной эволюции». Вы прекрасно знаете, что это не так. Согласно теории Виктора Амазасповича, звезды образуются из Д-тел. Сначала Д-тело, взрываясь, переходит в стадию нейтронной звезды, а потом, после расширения, нейтронная звезда становится на главную последовательность и, в зависимости от массы, оказывается на той или иной ветви...

– Дальше, – продолжал Г.А. Гурзадян, перелистывая страницы. – Вот тут: «В результате аккреции (захвата звездой вещества из межзвездного пространства – П.А.) масса белого карлика достигает чандрасекаровского предела, и может произойти взрыв Сверхновой с образованием нейтронной звезды и сбросом оболочки в межзвездное пространство». Вы прекрасно знаете, что это не так, потому что, согласно теории Виктора Амазасповича...

– А вот здесь, – снова были перевернуты несколько страниц, – вообще вопиющая вещь. Смотрите, написано: «Перенос вещества от обычной компоненты к нейтронной звезде в двойной системе приводит к возрастанию массы нейтронной звезды, в результате чего происходит релятивистское сжатие и образуется коллапсар (в то время название «черная дыра» еще не было общепринятым; во всяком случае, в советской научной литературе чаще использовалось слово «коллапсар», введенное Я.Б. Зельдовичем – П.А.)». О чем вы пишете? Коллапсар – из нейтронной звезды?! Все происходит наоборот!

Я понял, что дискуссии не будет. Я еще мог бы доказывать, что в формуле величины аккреции в магнитном поле (первая глава) не было сделано ошибок, что расчеты взрыва Сверхновой во второй главе используют правильные приближения, а в третьей главе все расчеты рентгеновского излучения нейтронных звезд в двойных системах не только правильны, но уже и подкреплены наблюдениями с искусственного спутника. Я мог показать, как получена каждая формула, как сделан каждый расчет... Но какой во всем этом был смысл, если отвергалась главная идея, на которой строилась вся диссертация? Какой был смысл спорить о покраске стен, если рушилось все здание?

– Мы исходили из того, что... – начал было я.

– Я прекрасно знаю, из чего вы исходили, – прервал меня Г.А. Гурзаян. – Вы исходили из мнения большинства. Но вы должны понимать, что не большинство решает в науке, что правильно, а что нет. А если вы этого не понимаете, то зачем вообще вы занимаетесь наукой?

И ведь Григор Арамович был, в принципе, абсолютно прав! Действительно, разве научная истина определяется большинством голосов? Разве Коперник не был в свое время в абсолютном меньшинстве? А Мендель? Или Циолковский? Из чего, кстати, вовсе не следует, что, если с новой теорией

большинство ученых не согласно, то именно она и является истинной. Да, всякая селедка – рыба, но не всякая рыба – селедка. Попробуйте, однако, убедить в этом ту самую селедку, которая шуку, карася и прочую стерлядь за рыб не считает!

Так мы и провели часа полтора: Григор Арамович выдерживал из текста диссертации цитаты (мог бы и весь текст зачитать, ведь там решительно все противоречило теории Виктора Амазасповича), а я слушал, кивал головой и даже не пытался вставить свои возражения.

– Ну, и что будем делать? – неожиданно прекратил цитирование Григор Арамович.

Я пожал плечами. Решение могло быть одно: забрать диссертацию и попытаться представить ее к защите в другом месте. Я стал думать, где все-таки лучше: в ИКИ, где огромная очередь, или в ГАИШе, где очередь короче, но оппоненты злее? Злее-то они злее, но все-таки – единомышленники, в отличие от...

– Давайте так, – неожиданно перешел к резюмирующей части беседы Г.А.Гурзадян. – Думаю, вам, молодой человек, нет смысла заниматься наукой. Вы не готовы воспринимать новое, а это неустранимый недостаток. Да, я вижу, у вас есть квалификация, формулы выведены верно, расчеты правильные – если, конечно, принять абсолютно неверную точку зрения на звездную эволюцию. Давайте договоримся: я напишу положительный отзыв, отмечу величину проделанной работы, а вы мне обещаете, что после защиты оставите научную деятельность. Идите работать в школу!

Знал бы Григор Арамович, на какую мозоль наступил... Преподавательских способностей у меня не было никогда. На пятом курсе университета наша группа проходила практику в одной из школ Баку. Когда практика закончилась, Арнольд Минаевич Шлимак, преподававший физику много лет, сказал мне: «Практику я тебе засчитаю, но об одном прошу: никогда не иди работать в школу. Занимайся наукой».

А теперь мне говорят: наука не для тебя, иди в школу...

– Ну так что? – спросил Г.А. Гурзадян. – Согласны? Если да, то можно назначать защиту на конец ноября.

– Согласен, – пробормотал я.

Наверно, Григор Арамович думал, что перед ним – человек слова, и если пообещал, то, конечно, не забудет выполнить обещанное.

Когда, вернувшись домой, я рассказал в лаборатории о состоявшемся разговоре, шеф разозлился:

– Не Гурзадян решать, кому заниматься наукой, а кому нет. Яков Борисович тебя ценит, Иосиф Самойлович хотел взять тебя на практику, а Дмитрий Дмитриевич (Иваненко П.А.) предлагал тебе аспирантуру! Посмотрим еще, что Гурзадян напишет в отзыве. Правда, нужно предупредить Гургена Серобовича. Менять оппонента он не будет, но пусть хоть знает...

Защиту назначили на 22 ноября. С Г.А. Гурзадяном мы больше не виделись – даже в день защиты. Он приехал в университет к самому началу заседания Ученого Совета и уехал сразу после его окончания. По-моему, даже не дождался подсчета голосов. Дел у него действительно было много, а с диссертантом он вроде бы уже обо всем договорился... Кстати, окончательного текста своего отзыва он не представил вплоть до дня защиты – мол, некогда, все нормально, не беспокойтесь...

Проходила защита в большой аудитории мест на триста, и потому зал был оборудован микрофоном и динамиками, иначе даже в первых рядах не было бы слышно оратора. Собрался, по-моему, весь физфак, но вряд ли из-за меня – передо мной защищался аспирант Г.С.Саакяна, его, скорее всего, и пришли слушать студенты и преподаватели. Я и сейчас понятия не имею, какой была тема той диссертации, о чем в ней шла речь – по той простой причине, что диссертация была написана по-армянски, на армянском языке проходили все

выступления, а из формул, которые писал диссертант, можно было понять только, что работал он в области ядерной физики. Судя по аплодисментам, раздававшимся после каждого выступления, защита прошла без единой заминки.

Настала моя очередь. Больше всего я боялся, что и теперь все будут говорить по-армянски, и я даже не пойму, когда мне нужно будет подняться на кафедру.

Однако, когда перешли ко второму вопросу, секретарь Ученого Совета заговорил на прекрасном русском языке, я понял, что хотя бы с этим проблем не будет, и более или менее успокоился. То, что произошло потом, заставило меня задуматься над проблемой судьбы и рока. Впрочем, может, это была человеческая хитрость, а рок – ни при чем? Я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос.

Произошло же следующее. После моего доклада слово предоставили, естественно, главному оппоненту – члену-корреспонденту АН Арм.ССР Григору Арамовичу Гурзадян.

– Диссертант, – начал он, и динамики разнесли слова до последних рядов, – проделал большую работу, и это безусловный плюс...

– Однако, – продолжал Г.А. Гурзадян, и в этот момент динамики отключились. Оратор продолжал говорить в микрофон, но даже члены Ученого Совета, сидевшие в первом ряду, вряд ли слышали хоть одно слово. А говорил уважаемый оппонент ровно то же самое, что несколько месяцев назад в своем кабинете. Все неправильно, идея диссертации антинаучна, нет ни одной верной мысли, ни одного сколько-нибудь вразумительного предположения, гипотезы не имеют отношения к реальности и полностью противоречат известной теории Виктора Амазасповича...

«Все, – думал я. – Полный провал».

В зале начали шуметь. Все хотели расслышать, что говорил Гурзадян, и переспрашивали друг друга.

Минут десять оппонент перечислял все глупости, собранные в диссертации, а потом перешел к заключительной фразе:

– Несмотря на эти многочисленные и неустранимые недостатки, – сказал он, в этот момент динамики опять заработали, и последние слова прозвучали громом в мгновенно застывшей аудитории, – диссертант, безусловно, достоин присуждения ему степени кандидата физико-математических наук.

Тогда встал и захолопал Гурген Серобович Саакян. Ему было трудно это сделать – Саакян страдал паркинсонизмом, – и потому все, кто был в зале, принялись аплодировать, подерживая академика.

Техника теперь работала исправно, выступление В.А.Папояна, говорившего, какая это отличная работа, слышали все, отзыв ФИАНа, зачитанный секретарем, тоже был положительным, члены Ученого Совета благосклонно кивали седыми головами.

Проголосовали: со счетом 18:1 победил диссертант. Понятно было, кто опустил в урну «черный шар» – ведь Г.А. Гурзадян тоже был членом Совета...

На следующий день я спросил у В.Г. Седракяна, занимавшегося технической стороной защиты, что произошло с усилителями. Случайное совпадение или...

– Наверно, совпадение, – уклонился Седракян от прямого ответа.

* * *

Сейчас это уже невозможно. Чтобы аспирант-еврей, прибывший из Баку со своим научным руководителем-азербайджанцем, защищал диссертацию в Ереванском университете? Даже если бы в работе все «по правилам» – в соответствии с теорией Виктора Амазасповича...

Об этой теории, кстати, давно забыли. Звезды, конечно же, образуются из межзвездного газа, а не из Д-тел, которых не существует в природе.

Все-таки иногда и большинство в науке бывает право...